

Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

Источниковедческие проблемы истории России XX века

Престиж отечественной исторической науки в последние годы изрядно пошатнулся. Оказалось, что многие события прошлого неверно излагаются в трудах советских историков. В одночасье исчезла как псевдонаука ВАКовская специальность 01 - "история партии". Одновременно возрос интерес людей к своему прошлому. К нему каждый день обращаются - подчас невпопад - на страницах газет и журналов, с экранов телевизоров политики, журналисты, да и просто все желающие. Художественные (и не очень) книги на исторические темы стали бестселлерами и живо раскупаются несмотря на нешуточные цены. Беда лишь в том, что к реальным событиям эти книги имеют, пожалуй, еще меньшее отношение, чем пресловутый "Краткий курс" истории ВКП(б).

Научно доказанные факты о прошлом извлекаются из исторических источников при помощи методик, разрабатываемых специальными историко-филологическими дисциплинами - источниковедением, текстологией, археографией, дипломатикой, палеографией, сфрагистикой. Строгое применение таких методик - единственно достойный научный ответ историка обществу, которое постоянно обвиняет его то в лакировке действительности, то в ее очернении, а то и сразу в обоих этих грехах.

Но чтобы анализировать источник, надо его иметь, а это для историка советского периода еще вчера было непросто. Я хорошо помню времена, когда чуть ли не единственным источником и одновременно обобщающим трудом по истории России XX века считался упомянутый "Краткий курс", а газета "Правда" за первые советские десятилетия была прочно замурована в спецхране. Рассекречивание газет в годы хрущевской "оттепели" было встречено с восторгом и большими надеждами, сменившимися вскоре разочарованием. Оказалось, что секретные материалы тоже не содержат "абсолютной истины" и требуют профессиональной научной критики. Я убедился в этом, когда стал составлять справочник по частично рассекреченным в начале 50-х годов мемуарам советских деятелей. (Еще до того, как книга увидела свет, процесс рассекречивания пошел вспять, и несколько сот названий были изъяты при публикации, а сам составитель справочника упрятан в концлагерь.)

Ныне положение с источниками по советской истории изменилось кардинально: в середине 1991 года в государственных архивах России хранилось 93 млн архивных дел, в 1995 году - около 250-280 млн. Но главное - перемены не количественные, а качественные. Историк впервые получил возможность исследовать документы правящих органов страны, основных политических, идеологических и карательных ведомств. Без учета содержания этих архивных фондов, серьезного источник-

П о к р о в с к и й Николай Николаевич - историк, академик Российской академии наук. Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

ведческого анализа, проверки и по возможности полной публикации документов бессмысленно сочинять какие бы то ни было концепции об истории тех лет.

Конечно, и сегодня существует угроза, что все повернется вспять, что рассекречивание вновь сменится засекречиванием. К тому же не все документы пока доступны, например важнейшие исторические материалы Архива Президента Российской Федерации. Но за пять лет у нас и за рубежом опубликовано огромное число самых острых документов, еще больше разлетелось по миру в ксерокопиях и микрофильмах. В рамках одного Гуверовского проекта - прежде чем объединенными усилиями националистов и демократов он был прекращен - удалось скопировать в нескольких экземплярах около 8 млн документов трех центральных архивов, издать хороший справочник. Поэтому усилия тех, кто хотел бы вновь закрыть доступ к историческим источникам, вряд ли окажутся столь же успешными, как ранее.

Десятилетия запретов и идеологического диктата самым пагубным образом сказались на развитии исторической науки в нашей стране. Недаром разгром и приведение к абсолютному идейному послушанию Академии наук начались в 1929-1931 годах с "академического дела", когда под суровый большевистский суд попали археография, источниковедение и другие перечисленные выше специальные гуманитарные дисциплины, препятствующие искажению истины.

Основания для беспокоества у партийных идеологов того времени были. Дореволюционные гуманитарные школы России достигли блестящих результатов именно в разработке методов исторической критики источников, в поиске путей извлечения из них реальных фактов. Правда, многие ученые были арестованы или высланы из страны, других заставили замолчать. Но нужен был иной уровень послушания, тем более, что пользоваться достижениями этих гуманитарных школ изредка приходилось. Так, когда после смерти В. Ленина встала задача научной публикации его сочинений, оказалось, что старые большевики и новые красные профессора приемами текстологии и источниковедения не владеют. Пришлось прибегнуть к услугам "спеца" - С. Валка, талантливого представителя знаменитой петербургской школы А. Лаппо-Данилевского, которую десятилетиями обвиняли в антимарксизме. Разработанные тогда Валком научные принципы позже легли в основу публикаторской деятельности Института Маркса-Энгельса-Ленина. (Правда, эти принципы были реализованы лишь отчасти. Не соблюдалось важнейшее условие - полнота публикации. Многие сотни, если не тысячи засекреченных ленинских текстов впервые издаются сегодня.)

Лишь в 1955 году руководитель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ академик М. Тихомиров сумел доказать начальству, что пора приступить к чтению общего курса источниковедения советской истории и что поручить это новое дело лучше всего молодому специалисту, воспитанному на критике источников древней России. Так я впервые столкнулся с проблематикой источниковедения документов XX столетия. Тихомиров включил источники советского времени в сферу научных изысканий Археографической комиссии АН СССР. Он неоднократно выступал за разработку проблем источниковедения советской документалистики, за изучение почерков, печатей, бланков, клаузур, за составление соответствующих справочников. Но хотя в дальнейшем вышли (в том числе в "Археографическом справочнике") отдельные статьи по советскому источниковедению, был создан учебник, а Э. Генкина смогла монографически исследовать важный фонд Совета Народных Комиссаров за 1917-1922 годы, в целом обстановка не способствовала кропотливой разработке этой научной области, и сделано было немного.

Теперь время для этой работы пришло. Назрела настоятельная необходимость углубленного научного анализа советских документов: определение их авторства, даты, подлинности, полноты, канонического текста, динамики формуляра, типологии и т.д. Вслед за газетными и журнальными статьями по истории, авторы которых стремились прежде всего к броским сенсациям, настала очередь серьезных монографических исследований. Они уже появляются, не один десяток томов находится в

стадии подготовки. К сожалению, научный уровень этих академических изданий чаще всего далек от того, который давно стал нормой для публикации документов более ранних эпох. Положение надо срочно исправлять, благо такая возможность теперь имеется.

В первую очередь нужно признать, что методика научного анализа источников в принципе является единой для документов всех периодов. Иными словами, методы и приемы, используемые для изучения источников предыдущих веков, в значительной своей части распространяются и на документы советского периода. Что касается сферы действия методов, специфических для этого времени, то ее должны определить конкретные источниковедческие исследования. Директивы политбюро, так же как и указы государя и Боярской думы, требуют установления аутентичности текста документа и способов его передачи, определения подлинности, границы и степени тенденциозности, достоверности источника, вопросов, на которые он может дать ответ и на которые не может, и т.д.

Казалось бы, речь идет об общеизвестных вещах. Между тем до сих пор даже в лучших нынешних публикациях документ издается по одному списку, тогда как нужно это делать по всем выявленным, ибо каждый из них имеет свои резолюции, пометы. Легенда (наблюдения публикатора за внешним видом, особенностями документа, записями на нем) сводится подчас к краткому определению "подлинник", "копия" (а надо бы: "машинописная копия, сделанная тогда-то, тем-то, для того-то, заверенная такими-то печатями и подписями со следующими пометами..."). Широко укоренилась неоговоренная правка текста документов, стилистических, орфографических и иных ошибок, что, на мой взгляд, недопустимо. При этом нередки ошибки в определении авторства¹, в датировке, в биографических справках. О последних стоит сказать особо.

Хотя уже появились добротные биографические справочники (например, [1]) лишь недавно благодаря бесспорным архивным документам, стало возможно определение дат жизни целого ряда видных политических и религиозных деятелей, представителей культуры, науки ленинских и сталинских времен. Биографические справки об очень многих из них кончаются стандартной фразой: "Незаслуженно репрессирован, реабилитирован посмертно". Даты смерти нередко приводятся по непроверенным данным, ложным публикациям в газетах (а то и в энциклопедиях), по дате расстрельного приговора и т.д. И вдруг оказывается, что А. Бубнов умер не в 1938, а в 1940 году, В. Яковлева - не в 1944, а в 1941 году. Но старые сведения появляются иногда и в новых изданиях. Уникальная страна, уникальная история, уникальная историография!

За три года работы над рассекреченными документами политбюро и других центральных органов управления 20-х годов, касающимися религии и церкви, мне приходилось не раз сталкиваться с типичными источниковедческими проблемами этой эпохи, искать пути их решения совместно с С. Петровым, В. Афиани и другими учеными, принимавшими участие в подготовке двухтомного издания этих документов. Исходя из своего скромного опыта, постараюсь поделиться некоторыми наблюдениями.

Выявление документов и их отбор для публикации (исследования)

К любому историческому исследованию должно предъявляться обязательное требование полноты источниковой базы. Конечно, массив источников XX столетия столь велик, что опубликовать все тексты в рамках тематически ограниченных изданий чаще всего невозможно. Историки хорошо знают: при отборе практически

¹ Недавно, например, очень интересный документ Л. Красина был введен счастливым первооткрывателем в научный оборот в академическом журнале как документ Л. Каменева - нет справочника почерков.

неминуемо воздействие субъективного фактора, вольное или невольное следование стереотипам, трафаретам, концепциям своего времени. Но очень существенно, *как конкретно* - "вольно" или "невольно" - вторгается субъект в область исторического. Отбирая документы, историк обязан руководствоваться не пресловутым "социальным заказом", а искать непростой ответ на очень простой вопрос: как все обстояло на самом деле? Именно в этом смысл науки истории. Любые политические, идеологические критерии нужно категорически отвергнуть. Главным критерием должна стать классический социологический принцип *репрезентативности*. Весьма полезно также, отобрав из предельно полного массива документов какую-то совокупность для публикации, перечислить в комментарии другие материалы, известные публикатору, но не попавшие в это издание, а иногда и дать выдержки из них.

Некоторые документы следует несмотря на все трудности публиковать без малейших изъятий, т.е. каждый лист каждого дошедшего до нас дела. К ним я отношу в первую очередь протоколы заседаний политбюро РКП(б)-ВКП(б), органа, реально управлявшего страной, дававшего обязательные для исполнения директивы всем другим ветвям власти - исполнительной, законодательной и судебной. Этот большой массив документов (5 тыс. листов за каждый год) надо издавать начиная с первых протоколов за 1919 год вместе с сопутствующими тематическими делами того же фонда политбюро, содержащими дополнительные материалы.

Историк обязан проверять на полноту даже, казалось бы, заведомо полные массивы документов. Например, протоколы политбюро настолько секретные, что изначально и грифа секретности на них не было (его ставили лишь при копировании вовне или при передаче в секретный архив) - вожди страны считали слишком открытыми. Некоторые наиболее деликатные вопросы обсуждались "без занесения в протокол". Решения, как правило, записывались не на стандартных бланках постановлений политбюро, а на простых листках бумаги без обычных делопроизводственных помет, которые хранились отдельно от протоколов, чаще всего в тематических делах. Иногда приходится предпринимать долгие поиски, чтобы их там обнаружить, а иногда эти поиски бывают безрезультатными. Но в любом случае историк должен помнить, что самый полный протокол на деле может иметь важнейшие лакуны.

Приведу характерные примеры². В 1922-1923 годах политбюро не раз рассматривало на своих заседаниях вопросы, связанные с подготовкой судебного процесса над патриархом Тихоном. Однако не все из принимавшихся тогда решений можно найти в протоколах политбюро. В 1922 году прошли показательные процессы над духовенством, завершившиеся расстрельными приговорами в соответствии с прямыми директивами В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина и всего политбюро. Суд над патриархом должен был увенчать список казней, послужить победе генеральной линии партии на раскол и полный разгром в ближайшие месяцы Русской православной церкви.

Однако к весне 1923 года обстановка стала меняться. Расстрелы духовенства вызвали огромную волну протестов во всем мире, что нанесло изрядный вред стране. Срывались займы, просоветские демарши в парламентах. 10 апреля 1923 года Г. Чичерин обратился с письмом к политбюро (на имя Сталина), где перечислял весь ущерб от антитихоновской, антихристианской пропаганды и просил принять решение не расстреливать патриарха. В политбюро назревала новая расстановка сил по проблемам религии и церкви, не за горами была более мягкая линия блока Каменева, Зиновьева, Сталина, направленная против непримиримой позиции Троцкого. По пока в ответ на просьбу Чичерина политбюро предпочло продемонстрировать непреклонность. Постановление политбюро № 61, п. 3 от 12 апреля 1923 года гласило: "Предложение т. Чичерина отклонить", усилить антитихоновскую пропаганду. В про-

² Архивные шифры документов, упоминаемых здесь и далее, см. в [1, 2]. В новосибирском издательстве

"Сибирский хронограф" находится в печати двухтомное издание этих документов: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922-1925. Ч. 1,2.

токоле заседания политбюро это постановление имеется. Было сочтено необходимым усилить отпор вредному гуманизму Чичерина, и на том же заседании принято еще одно сверхсекретное постановление: "Поручить ЦК дать директиву (так в тексте. - *Н.П.*) Верховному трибуналу вести дело Тихона со всей строгостью, соответствующей объему колоссальной вины, совершенной Тихоном".

Принять такую формулировку означало дать санкцию на расстрел. Факт, ранее историкам не известный. Этот короткий текст, вроде бы однозначно решавший судьбу патриарха, не доверили даже засекреченной машинистке. Единственный экземпляр решения написан (с пометкой: "Только для т. Сталина") человеком сверхпроверенным, доверенным лицом самого генсека А. Назаретяном, заведующим бюро Секретариата ЦК РКП(б) (расстрелян 30 октября 1937 года). Документ этот отсутствует в протоколе заседания политбюро, хотя Назаретян и сделал на нем пометку, отсылающую к обсуждению на заседании ответа Чичерину.

Между тем ряд европейских правительств выступили с резким протестом, в Англии готовился ультиматум Д. Керзона с требованием отмены судилища. 21 апреля 1923 года Ф. Дзержинский краткой запиской вносит в политбюро предложение отложить процесс, который должен был начаться через несколько дней. Все вожди (кроме А. Рыкова, возглавлявшего чрезвычайную комиссию политбюро по подготовке процесса) мгновенно согласились с предложением Лубянки, и оно в тот же день стало постановлением политбюро. Позднее отсрочка обернулась отменой суда и освобождением патриарха. Эти "милостивые" постановления в протоколах заседаний политбюро имеются.

Были и другие случаи, когда наиболее деликатные постановления политбюро по антирелигиозным делам принимались без занесения в протокол. Среди них: санкция политбюро от 21 июня 1923 года на перевод патриарха во внутреннюю тюрьму Лубянки; постановление политбюро от 3 июля 1923 года, поручившее двум партийным идеологам - Е. Ярославскому и К. Радеку - "организовать интервью Тихона". На документе сделана помета: "В протокол не вносить. Только для т. Сталина". Сам документ находится не в протоколах политбюро, а в тематических делах. Не занесено в протокол и решение от 9 марта 1922 года о предложениях Лубянки по усилению репрессивных и пропагандистских мер в связи с изъятием церковных ценностей. Пока это решение нигде не обнаружено, о его существовании нам известно лишь по делопроизводственной помете на сопроводилке к предложениям ГПУ.

Приведу еще один пример. В письме от 14 мая 1922 года всем членам политбюро в редакции "Правды" и "Известий" Троцкий обрушивался на газеты за недостаточно энергичную поддержку плана партии расколоть Русскую православную церковь, оформить (силами Лубянки и Реввоенсовета) раскольническую церковную организацию обновленцев. Без ложной скромности он именовал свою операцию "глубочайшей духовной революцией в русском народе". В конце он (как обычно четко) выдвигал шесть требований к прессе по активной поддержке акции партии, направленной на создание собственной церковной организации. Троцкий даже делал вывод, что ради успеха обновленческого раскола партия может позволить себе чуточку поступиться принципами: "не выдвигать... в ближайшее время нашего материалистического отношения к религии" (!), чтобы духовенство не сплотилось в борьбе с материализмом. Лишь после того как обновленцы разгромят тихоновцев, можно будет, убрав их самих, вновь вспомнить об атеизме и материализме. Это вполне соответствовало другим подобным указаниям Троцкого, так или иначе отразившимся в документах политбюро.

Сталин, с энтузиазмом одоббив идею Троцкого, тут же рекомендовал политбюро "принять все шесть пунктов предложения Троцкого как директиву ЦК газетам". С этим согласились Зиновьев, Томский, Рыков, Каменев. Ленин начертал на письме Троцкого эмоциональную резолюцию: "верно! 1000 раз верно" и приказал довести свое одобрение до сведения газет. Оно было в 1990 году опубликовано в "Известиях ЦК КПСС" [4]. Но оказалось, что в тематическом деле фонда политбюро находится

записка Ленина с указанием не оформлять одобренные им предложения постановлением политбюро - хватит того, что уже послано в редакции газет от имени Троцкого и Ленина, а не политбюро. Ильич явно не хотел принимать партийного решения о временном отказе от атеизма, хотя и признал необходимость непростого тактического маневра (такого полезного, кстати говоря, кое для кого и сегодня). Сталин не согласился с этим; имея поддержку большинства членов политбюро, он написал на записке Ленина: "Поставить на обсуждение Политбюро. Ст[алин]". Никаких следов такого обсуждения нет ни в протоколах политбюро, ни в соответствующем тематическом деле. Возможны два варианта: либо Ленин все же настоял на своем, либо шокирующие предложения Троцкого были приняты на политбюро без занесения в протокол. Первый вариант более вероятен, ибо уже 26 мая 1922 года политбюро с подачи того же Троцкого постановило: "Нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из этих (обновленческих. - *Н.П.*) направлений (даже неофициально)". Это не помешало Лубянке рассылать четкие инструкции, каких священников поддерживать, каких расстреливать. Но полной ясности с формой одобрения письма Троцкого от 14 мая 1922 года нет.

Авторство документа (атрибуция)

Вопрос об авторстве документа, принимаемого коллегиальным органом власти, не является специфическим для источников XX столетия, хотя, конечно, советская эпоха привнесла немало нового. Для историка важен как факт коллегиальной ответственности органа, принявшего документ, так и его индивидуальное авторство. Например, постановления политбюро могли быть заранее сформулированы в отдельном документе одного из его членов (или членов ЦК, СНК, ВЦИК и т.д.), эти формулировки после обсуждения на заседании политбюро могли быть приняты с поправками, дополнениями или без оных. Были случаи, когда формулировка постановления коллегиально вырабатывалась прямо на заседании. По антирелигиозным делам существуют весьма жесткие постановления политбюро, сформулированные Троцким, Сталиным, Лениным, и гораздо более мягкие проекты Молотова, Калинина, Каменева, Енукидзе.

Впрочем, во время красновардейского натиска на церковь в 1922 году более мягкие проекты на заседаниях политбюро отвергались. Известен лишь один случай, когда 22 марта 1922 года политбюро на заседании, не имевшем кворума (присутствовало три человека из восьми членов и кандидатов в члены политбюро, между которыми при подсчете голосов тогда не делали различия), приняло поправку Молотова, ограничивающую изъятие церковных ценностей лишь богатыми храмами. Но уже на следующий день политбюро более полным составом отменило это решение. Черновые (оригинальные) протоколы сохраняют первоначальные автографы проектов постановлений с последующей правкой разными почерками. В "беловых" протоколах, которые скопированы позднее с оригинальных и обычно используются историками, эти важные детали авторства зачастую исчезают.

Встречаются и более сложные случаи. По указанию Ленина политбюро постановило все документы любых органов о борьбе с религией и о разгроме церкви, подписанные Троцким, публиковать только за подписью Калинина, Сам Троцкий, проведя в качестве постановления политбюро свой план создания по всей стране особой сети секретных комиссий по изъятию церковных ценностей, включил в него пункт о том, что во всех сношениях с населением и разными учреждениями комиссии будут маскироваться органами Помгола во главе с тем же Калининым.

Этим объясняется странный, на первый взгляд, феномен, когда за подписью Калинина по губерниям рассылаются одно за другим прямо противоположные распоряжения, например о допустимости замены по просьбе верующих изымаемых церковных реликвий драгоценными металлами. Калинин в соответствии с декретом от 16(23) февраля 1922 года был за такую замену и сообщил об этом в губернии

распоряжениями за своей подписью. Комиссии Троцкого были против замены и также сообщали об этом в губернии распоряжениями за подписью Калинина. Разнобой возникал и в связи с требованием Калинина и заведующей Главмузеем Н. Троцкой проводить перед изъятием и переплавкой старинных церковных ценностей межведомственную экспертизу. Публикуя такие документы, историк должен помнить о неоднозначном характере их атрибуции.

Выписки из постановлений политбюро рассылались определяемым на заседаниях заинтересованным лицам за подписью одного из секретарей ЦК (Молотова, Сталина, Куйбышева), иногда на заседании не присутствовавшего и к индивидуальному авторству текста отношения не имевшего.

Не желая раскрывать истинных организаторов антирелигиозной кампании, политбюро составляло тексты интервью, которые появлялись в прессе за подписью Калинина, или утверждало другие "интервью Калинина", написанные Троцким. А 2 августа 1922 года политбюро приняло постановление об очередном таком интервью с важным уточнением: "Текст поручить составить комиссии из тт. Троцкого, Калинина и Бубнова". Подобным образом по докладу Зиновьева 3 июля 1923 года политбюро, как я уже упоминал, постановило без занесения в протокол: "Поручить т. Ярославскому организовать интервью Тихона с зарубежными корреспондентами по соглашению с т. Радеком". Позднее, после достижения соглашения с патриархом и его освобождения, Антирелигиозная комиссия ЦК отдаст директивы "провести через Тихона" некоторые решения по важным вопросам церковной жизни, например о введении в делах церкви календаря нового стиля. Соответствующие документы патриарх поневоле подпишет (что наделает много шума в стране и за рубежом), но от их реального выполнения он сумеет уклониться.

В 1923 году в русской зарубежной печати возник острый спор об авторстве и подлинности известного письма патриарха Тихона в Верховный суд от 16 июля 1923 года, где признавалась советская власть и сообщалось об отказе от борьбы с ней. Подпись патриарха объявили фальсифицированной, а само письмо подделкой. Сейчас по документам можно установить, что патриарх действительно подписал письмо, фиксировавшее условия определенного соглашения между властью и церковью. Эти условия оговаривались в беседах между заинтересованным патриархом и высшими чинами Лубянки, действовавшими с санкции ЦК. Текстуально они были сформулированы на заседании Антирелигиозной комиссии при активном участии Ярославского и начальника шестого ("церковного") отделения ГПУ Н. Тучкова, а затем одобрены политбюро. Так реально решается сегодня этот давний спор об авторстве.

Датировка документа

Публикуя или анализируя документ, историк сразу же привязывает его к определенной дате и затем так и упоминает, например: "декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года". Чаще всего документ называют по дате его принятия, иногда публикации. В каждом случае необходимо четко представлять, о какой именно дате идет речь. Декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей был принят 16 февраля и опубликован 26 февраля с пометкой "23 февраля 1922 года". По этой дате он обычно и называется, но в документах Главмузея проходит как "декрет ВЦИК от 16 февраля 1922 года". А могут быть еще даты промежуточного утверждения (опросом членов политбюро до очередного заседания, утверждающего документ окончательно, и т.д.).

Так, определяя, какую именно шифротелеграмму иваново-вознесенских властей имел в своем распоряжении Ленин, когда в знаменитом письме от 19 марта 1922 года потребовал массовых расстрелов духовенства, важно учесть не только время отправки телеграммы, но и время ее расшифровки в Москве. И тогда окажется, что Ленин написал письмо, получив первое сообщение из Иваново-Вознесенска, где говорилось, что 15 марта в Шуе "в связи с изъятием церковных ценностей под влиянием попов [,] монархистов и с-р возбужденной толпой произведено нападение на

милицию и взвод красноармейцев", причем один красноармеец "помотделения" был убит, а при разгоне толпы войсками 5 человек убито и 15 ранено. Это сообщение поступило в Москву для расшифровки 18 марта в 11 часов 30 мин.; Ленин написал письмо 19 марта, одобрено оно было 20 марта, а 21 для расшифровки в Москву поступило дополнительное сообщение из Иваново-Вознесенска с уточнением, что никто из красноармейцев и милиционеров убит не был. Но ленинская директива о расстрелах в Шуе и других местах исправно заработала.

Иногда важна даже такая редко учитываемая дата, как время приобщения документа к делу. В деле о суде над участниками шуйских волнений есть ходатайство сельского схода известного села Палех за своего священника о. Иоанна Рождественского, которому несмотря на отсутствие улик грозил расстрел. Подписанное 18 апреля 1922 года десятками палешан, включая представителей знаменитых иконописных фамилий, оно было немедленно направлено в трибунал. Слушание дела проходило в Иваново-Вознесенске 21-25 апреля, о. Иоанн вместе с двумя своими подельниками был приговорен к расстрелу. Уступая ходатайствам (в том числе и направленной прямо ему еще одной просьбе жителей села), Калинин хотел помиловать осужденных. У него формально было право помилования, но поскольку расстрельная директива Ленина и политбюро считалась выше любого права, он обратился с просьбой в политбюро. 2 и 4 мая политбюро сначала опросом, а затем на заседании отклонило просьбу Калинина несмотря на то, что голоса разделились поровну. Приговор был приведен в исполнение 10 мая. На палехском ходатайстве от 18 апреля стоит делопроизводственная помета о том, что оно приобщено к судебному делу лишь 10 июня.

Нельзя забывать об обязанности историка проверять дату составления документа, указанную в нем самом ("черную дату" на языке археографов). Иногда Троцкий правильно надписывал на письме месяц и число, но ошибочно проставлял предыдущий год. Есть документы, где, наоборот, год и число обозначены правильно, а напечатанный римскими цифрами месяц ошибочно. Встречаются выписки из постановлений политбюро, в которых вместо даты принятия постановления указана дата составления выписки либо просто ошибочная дата. Случаев таких немного, но они свидетельствуют, что общее историковедческое требование проверять "черную" дату обязательно и для фондов высших органов страны.

Особую проблему составляет датировка документов, которые фиксируют постановления политбюро, принятые опросом его членов в те дни, когда заседания не проводились. Такое постановление должно было потом получить утверждение на очередном заседании. В его протоколе непременно найдут отражение два постановления, каждое со своей датой - опроса и окончательного утверждения. Обе эти даты важны для историка.

Вот тому яркий пример. Известный московский процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей завершился 8 мая 1922 года вынесением (в полном соответствии с директивой политбюро трибуналу от 4 мая 1922 года) 11 смертных приговоров. В этот же день, 8 мая, Сталин поставил на голосование опросом предложение Каменева "ограничиться расстрелом 2-х попов" - оперировали пока безличными цифрами, а не именами. Судя по документу о результатах опроса, против предложения Каменева проголосовали Ленин, Троцкий, Сталин и Зиновьев, а за смягчение приговора - Томский и Рыков (голос самого Каменева почему-то учтен не был).

На заседании политбюро от 11 мая 1922 года этот результат был утвержден, и в протоколе отразилось еще одно постановление об отказе Каменеву. Но в черновом протоколе сохранилась также записка Зиновьева, который просит засчитать его голос за предложение Каменева. Как в сталинском протоколе допроса появилось противоположное утверждение - загадка. Записка Зиновьева имеет две рукописные даты: "8.V.22 г." в начале текста и "9/V 1922" в конце. Если даже принять, что первая просто привязывает документ к дате опроса, то вторая заведомо предваряет дату

утверждения его результатов. Между тем если учесть голос Каменева и засчитать голос Зиновьева за его предложение, то оно явно проходило. (18 мая уже по предложению Троцкого политбюро постановит расстрелять по этому делу "только" пять священников.)

С датами постановлений политбюро, принятых опросом, может быть еще одна сложность. Некоторые опросы по тем или иным причинам не ставились на утверждение на очередном заседании политбюро (хотя, видимо, считались при этом действительными). Накануне следующего съезда партии и выборов нового ЦК, а затем и политбюро в делопроизводстве наводился порядок, и утверждение всех подобных опросов оформлялось протоколом несозывавшегося заседания (протокол № 117 за 1922 год, № 62 за 1923 год). В таких протоколах нет списка присутствовавших и повестки дня, но все остальное оформлялось как обычно, в том числе даты самого опроса и фиктивного заседания политбюро, а иногда и составления выписки из протокола. К тому же в разных частях такого протокола могла быть указана различная дата "заседания" для различных постановлений. Понятно, что при публикации документа это следует учитывать.

Соотношение подлинника и копии

Для советской документалистики важной является проблема *соотношения подлинник-копия*. На мой взгляд, одинаково заверенные экземпляры письма, телеграммы в несколько адресов являются подлинниками, даже если в самом документе указано, что всем адресатам, кроме первого, направлены копии. Выписка из протокола - не копия, а особый вид документа, в ней нет, например, списка присутствовавших, всех адресатов рассылки и т.д.

Характерной особенностью советского делопроизводства является обилие копий документов. Даже широко известное ныне письмо Ленина от 19 марта 1922 года (с требованием беспощадных расстрелов духовенства), с которого сам Ильич категорически приказал никаких копий не снимать, было тут же дважды скопировано для нужд делопроизводства. Законы бюрократии уже в 1922 году оказались сильнее воли вождя. (Кстати говоря, наличие в соответствующих фондах этих двух копий 1922 года - одно из свидетельств подлинности самого документа.)

Привлечение к анализу и включение в издание всех выявленных копий весьма желательно даже в том случае, когда подлинник известен. Копии могут сообщить, например, важные сведения об исполнении постановления, о реакции на него различных ведомств, о подлинных авторах ответа на ходатайство, жалобу и т.д. Так, например, направленная 30 мая 1922 года из Саратова телеграмма по адресу "Москва, Кремль, Ленину" содержала просьбу приходской общины разрешить замену изымаемой серебряной чаши двойным по весу количеством серебра (местные власти требовали тройное количество). Хотя было ясно, что чаша пойдет в переплавку, чиновники требовали возместить не только само серебро, но и "художественную и историческую ценность" предмета! Сохранившиеся подлинник и три копии документа имеют многочисленные резолюции руководителей разных рангов, занимавшихся изъятием ценностей. Они рисуют позицию в этом споре Троцкого и его подручного по изъятию Г. Базилевича, заместителя наркома внутренних дел А. Белобородова, председателя ВЦИК Калинина. На сей раз последний оказался наиболее суровым - он настоял на тройной замене, тогда как Базилевич соглашался на двойную.

Иногда копия заставляет иначе посмотреть на подлинник. Давно уже был хорошо известен, переиздавался несколько раз текст программного политического воззвания спешно оформляемой в мае 1922 года Троцким и ГПУ обновленческой церковной организации. Но в фонде политбюро сохранилась копия первоначальной редакции этого документа, напечатанная на машинке Реввоенсовета и заверенная подписью секретаря Троцкого М. Глазмана. На тексте документа записи об ознакомлении ("Читал") - автографы Сталина, Каменева, Троцкого, Рыкова, Молотова, Зиновьева.

Подписи самого Троцкого нет по понятной причине - документ исходит из его канцелярии. И члены политбюро утверждают перед публикацией своими подписями воззвание новой церкви, как любой другой партийный документ, хотя формального постановления политбюро как бы и нет.

Различную ценность для исследователя имеют копия, близкая по времени к подлиннику, и копия более поздняя - архивная. Напомним, что советские архивы пережили несколько кампаний по замене подлинников копиями, и мы сейчас упускаем важную возможность расспросить старых архивистов о сроках и деталях этих кампаний. Более поздние копии порой отличаются от подлинников уровнем информативности - на них может не быть всех резолюций, помет и т.д. Следует поэтому разрабатывать научные приемы датировки копий документов XX века так же, как и документов, например, XVI века. Иногда дата копии буквально бросается в глаза - в некоторых копиях документов 20-х годов, сделанных в 1937 году, опускали слово "товарищ" ("тов.", "т.") перед фамилиями "врагов народа". В других случаях могут помочь наблюдения над бланками, печатями, формой шифра секретной машинистки, печатавшей копию, шрифтами машинок.

При издании документа следует указывать, кто и как заверял его копию (если таковая привлекается к изданию, что желательно даже при публикации по подлиннику). При этом наличие на копии, например характерной рукописной подписи "И. Сталин", не всегда является гарантией, что перед нами его автограф - в 20-х годах ответственные делопроизводители генсека (в частности Назаретян) - неплохо копировали подпись патрона. Очень важно также различать факсимильную подпись от "собственноручной" и при издании документа фиксировать это различие. (Все мы были свидетелями того, как эта обычная источниковедческая проблема неожиданно остро встала для документов наших дней и как появился новый метод ее решения при помощи телевидения.)

Установление канонического текста документа

В некоторых важных актах официально опубликованный, разосланный и имевший законную силу текст отличается от принятого на заседании органа, издававшего этот акт. Принятый 16 февраля 1922 года ВЦИК декрет об изъятии церковных ценностей был опубликован 26 февраля 1922 года без последнего (шестого) пункта о порядке его выполнения. Те постановления политбюро, которые было решено доводить до сведения руководителей губерний, тайно рассылались им Секретариатом ЦК. Однако Молотов нередко производил весьма значительную редакционную правку текста - убирал одни пункты постановления, перемещал местами другие, соединял порой части текста разных постановлений и т.д. Нам известен даже случай, когда Молотов включил в рассылаемый текст свое предложение о сокращении масштабов изъятия церковных ценностей, которое на самом заседании политбюро было отвергнуто. Сегодня исследователи, находя в областных архивах такие сообщения, иногда публикуют их текст как подлинное постановление ЦК партии, не затрудняя себя проверкой в центральных архивах [5].

При издании советских документов у нас установилась вредная традиция неоговоренной правки текста. Дело доходит до того, что уважаемые редакторы и корректоры издательства "Наука" автоматически правят в закавыченных текстах документов XX века орфографию и синтаксис, хотя никогда не позволяют себе этого в текстах XVII века [6]. Неоговоренные исправления даже явных ошибок документа *недопустимы*; правила применения в разных случаях различных способов оговоренных исправлений еще в середине 20-х годов разрабатывал Валк применительно к сочинениям Ленина, но позднее эти правила предпочли забыть. При неоговоренной правке полностью исчезает, например, столь характерное для многих чекистских документов сочетание революционного пафоса с безграмотностью. Для историка в текстах 20-х годов интересны и пережитки старой орфографии, и быстрое нас-

тупление бюрократического новояза. При наличии нескольких копии в разных ведомствах ошибки помогают установить, с какой из них была снята копия третьего порядка. Построение на основе ошибок подобных текстологических стем, столь обычное для древнерусских текстов, может быть полезным и для документов XIX-XX веков.

Иногда исправление ошибки в тексте документа требует дополнительного исследования. О важности и необходимости такой работы, подчас весьма непростой, свидетельствует наличие ошибок даже в фамилиях, именах и отчествах расстрелянных. Как неопровержимо установил недавно о. Дамаскин (Орловский), "Соколов Василий Иванович, 46-ти лет, свящ[енник] церкви Николая Божоявленского на Арбате", упоминаемый в расстрельном московском приговоре от 8 мая 1922 года, на самом деле был известным проповедником Василием Александровичем Соколовым [7]. Когда специальная комиссия политбюро под руководством Троцкого рассматривала, кому из приговоренных к расстрелу можно оставить жизнь якобы по ходатайству обновленческой церкви, о. Василий был приговорен к расстрелу вторично, уже окончательно - и на сей раз вообще без отчества.

Проблема тенденциозности и достоверности текста

Главный вопрос критики источника заключается в установлении степени достоверности содержащихся в нем сведений, характера и направления его тенденциозности. Каждый источник, отражая действительность, искажает ее, но каждый делает это по-своему. Историк должен стремиться выявить основное направление, тенденцию этих искажений. По общему источниковедческому правилу, прекрасно действующему и для текстов XX века, наиболее достоверны содержащиеся в документе сведения, противоречащие основному направлению его тенденциозности, а наименее достоверны - совпадающие с ним. Так, в "сводке № 2" 6-го отделения ГПУ от 17 апреля 1923 года об отношении населения к готовящемуся суду над патриархом Тихоном в полном соответствии с теоретическими разработками и указаниями Ленина и Троцкого сообщается, что рабочие "в большинстве к процессу относятся безразлично". Но выше в этой же сводке (как и в других подобных документах) говорится о беспокойстве среди рабочих и даже о "возможности беспорядков". Второе утверждение, противоречащее основной тенденции источника, достовернее первого.

Но ситуация с документами ГПУ может быть гораздо более сложной. "Органы", во все времена стремясь доказать свою необходимость, неустанно фальсифицировали всевозможные заговоры и контрреволюционные настроения - независимо от текущих указаний на сей счет партии и правительства. Поэтому введение историками документов ВЧК-ГПУ-КГБ в научный оборот неизбежно вызывает непростой спор: стоит ли публиковать заведомо фальсифицированные материалы, зачастую созданные с нарочитой целью опорочить достойных людей? Критически разбирать в комментариях буквально каждый эпизод обширных "обвиниловок" сейчас, как правило, невозможно, но и просто замолчать эти материалы нельзя, обязательно найдется кто-нибудь (и уже находится!), кто сошлется на них в оправдание тогдашней линии партии (см. [8]).

Не претендуя на разрешение этой трудной проблемы, упомяну в данной связи лишь о двух источниковедческих приемах, использованных мною при публикации обвинительных материалов по делу митрополита Вениамина и по делу патриарха Тихона. Речь идет о параллельной публикации материалов защиты и использовании (при рассмотрении в 1980-1990-х годах дел о реабилитации жертв тех давних процессов) официальной юридической квалификации материалов обвинения как несостоятельных.

Вообще говоря, для текстов XX века вполне применим традиционнейший источниковедческий принцип проверки достоверности сведений документа путем привлечения других документов. Вот еще один пример. Сводная ведомость ЦК Последгол

ВЦИК от 4 ноября 1922 года приводит все весовые и ценностные слагаемые и определяет общую стоимость изъятых церковных ценностей в 4650810 золотых рублей 67 коп. (без стоимости части антиквариата). Достоверность этих сведений была подвергнута сомнению, поскольку известно, что Ленин и Троцкий ожидали от масштабной кампании по изъятию ценностей из церквей, сопровождавшейся сотнями кровавых столкновений и расправ, добычу в несколько миллиардов золотых рублей. Справедливость данных упомянутой ведомости подтверждается сопоставлением ее по всем слагаемым с предыдущими сводными ведомостями по всей стране и с отчетами отдельных регионов.

Сопоставление с другими источниками помогает и в таком частном случае проверки достоверности, как установление подлинности документа. Например, было заподозрено, что известное письмо Ленина, продиктованное им 19 марта 1922 года и содержащее требование массовых расстрелов духовенства, неподлинное. Между тем подлинность письма доказывается не только наличием современной ему копии в секретнейшем деле фонда политбюро, заверенной подписью тогдашнего заместителя заведующего шифрбюро ЦК РКП(б) С. Чечулина, не только наличием на подлиннике автографа Молотова с замечаниями на текст документа и делопроизводственной пометы о рассмотрении письма на заседании политбюро (протокол № 114, пункт 5, от 20 марта 1922 года), но и источником неожиданным. Это подлинная листовка "Куда идет церковное золото", распространявшаяся в Москве в конце марта 1922 года и выявленная историками в документах ГПУ лишь сейчас. Листовка приводит сверхсекретный аргумент Ленина, содержащийся только в его упомянутом выше письме: церковное золото нужно в первую очередь для укрепления позиций советской власти на Генуэзской конференции.

Все вышеизложенное свидетельствует, на мой взгляд, о необходимости создания при Отделении истории РАН методического центра по исследованию источниковедческих проблем документов XX века, координации публикаторской деятельности различных академических институтов в этой сфере. Бюро отделения 17 октября 1996 года согласилось с тем, чтобы такая научная комиссия была создана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политические деятели России, 1917. Биографический словарь. М., 1993.
2. Политбюро и Церковь. 1922-1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8.
3. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922-1923 гг. // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 1. М., 1995.
4. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 196,197.
5. *Баделин В.И.* Золото церкви. Исторические очерки и современность. Иваново, 1993.
6. Археологический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 38.
7. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь, 1996.
8. *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. Автореферат диссертации... докт. истор. наук. СПб., 1996.

© Н. Покровский, 1997